

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ: ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД?

В.Я. Гельман

В ставшей классической коллективной монографии 1966 г. “Политические оппозиции в западных демократиях” [Dahl 1966a] есть глава, которая называется “Франция: ничего, кроме оппозиции” (“France: Nothing but Opposition”) [Grosser 1966]. Если бы в 2004 г. появилась аналогичная книга по постсоветским режимам, в ней, наверное, была бы глава “Россия: все, кроме оппозиции” (“Russia: Anything but Opposition”). Резкое снижение политического влияния партий, оппозиционных политическому курсу президента и правительства РФ, — один из наиболее заметных итогов первого президентского срока В.Путина. Более того, все чаще можно услышать, что “в нынешней российской политической системе нет оппозиции — как системной, выступающей за смену политических сил, стоящих у власти, так и несистемной, отвергающей сложившиеся правила политической игры” [Ворожейкина 2003: 57]. По данным массовых опросов “Левада-центра”, за последние два года доля россиян, признающих наличие оппозиции в стране, снизилась с 53% до 42% [Нужна ли 2004].

Столь радикальное различие веса оппозиции в двух политических режимах, только-только вышедших из глубокого кризиса (Франция середины 1960-х годов и сегодняшняя Россия), само по себе могло бы стать основой для сравнительного анализа. Однако в рамках настоящей статьи оно служит лишь “точкой отсчета” для поиска ответа на вопрос об истоках и следствиях стремительного изменения роли оппозиции в российской политике. Если на протяжении 1990-х годов оппозиционные силы (сперва антикоммунистического, а затем коммунистического толка) оказывали структурирующее воздействие и на “спрос”, и на “предложение” на российском политическом рынке, то в 2000-е годы они не просто уступили место более успешным игрокам, но и, по сути, начали “вымирать”, как динозавры или мамонты. И подобно тому, как выявление причин исчезновения этих представителей фауны необходимо для понимания закономерностей эволюции всего животного мира, анализ печальных судеб политической оппозиции в России есть важное условие постижения логики развития сложившегося там политического режима.

Предлагаемые отечественной политической наукой и публицистикой толкования причин упадка в стране политической оппозиции представляются, мягко говоря, недостаточными. При анализе “предложения” на российском политическом рынке преобладают объяснения ad hoc, вроде набивших оскомину рассуждений о несостоявшейся коалиции СПС и “Яблока”, а также о роли отдельных событий или даже личных качеств конкретных политических лидеров. Такого рода объяснения невольно вызывают в памяти замечание Льва Толстого о влиянии насморка Наполеона на исход Бородинского сражения. Немногим лучше обстоит дело и с исследованиями “спроса”, которые обычно проводятся с позиций социологического детерминизма в его ситуационной или фундаментальной версии. Ситуационная трактовка связывает провал оппозиции прежде всего с популярностью действующего президента и улучшением экономической ситуации в стране [ВЦИОМ-А 2004].

ГЕЛЬМАН Владимир Яковлевич, кандидат политических наук, доцент факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (gelman@eu.spb.ru).

Не отрицая значимости этих факторов, необходимо заметить, что сами по себе они отнюдь не всегда влекут за собой ослабление оппозиции, о чем свидетельствует, в частности, упомянутый выше случай Франции. Что же касается фундаментального объяснения, то оно фактически сводится к тезису о неспособности России к построению эффективных демократических институтов (включая оппозицию) вследствие “неправильной” (т.е. недемократической) политической культуры, сочетающей в себе черты этатизма и анархизма [см., напр. Вайнштейн 1998: 49-54]. Но постулат о “неправильности” российской политической культуры не находит эмпирического подтверждения — данные массовых опросов говорят скорее об обратном [см., напр. Colton, McFaul 2003]. Более того, указанный подход весьма уязвим методологически. Он ставит исследователей в познавательный тупик, лишая возможности найти ответ на вопрос о причинах того или иного поворота событий [подробнее см. Гельман 2001].

Социологический детерминизм неубедителен и в теоретическом плане, ибо имплицитно исходит из предположения, будто при наличии хотя бы частично свободных выборов политический режим или, по крайней мере, партийная система служат лишь отражением общественных предпочтений. Между тем и политические режимы, и партийные системы обладают собственной, не зависящей от массовых ценностей и установок логикой развития, а значит — и определенной автономией по отношению к ним [см. Sartori 1969]. При этом на ранних этапах становления партий не “спрос” структурирует “предложение” на политическом рынке, а наоборот [Rokkan 1977; Sartori 1990: 176]. Другими словами, именно действия политических акторов и формируемые ими правила игры (институты) задают вектор массовых предпочтений и обуславливают динамику развития как политического режима, так и присущих ему оппозиций. Конечно, отсюда не следует, что массовые предпочтения не играют никакой роли, но нужно отдавать себе отчет, что массы в политике значат ровно столько, сколько им позволяют элиты.

Приверженцы подобного — политологического — подхода объясняют политические явления политическими же факторами, а не социальными процессами “вообще”. Политологический анализ, успешно зарекомендовавший себя при изучении ряда аспектов постсоветских политических трансформаций [см., напр. Varany, Moser 2001; McFaul 2001; Jones Luong 2002; Golosov 2004], лежит в основе и настоящей работы. В первой ее части представлена теоретическая схема, позволяющая классифицировать различные виды оппозиции. Далее рассматривается влияние структуры политической элиты и политических институтов на эволюцию российской оппозиции в 1990-е — 2000-е годы и анализируется развитие трех наиболее значимых (до недавнего времени) ее сегментов — КПРФ, СПС и “Яблока”. В заключение дается оценка перспектив политической оппозиции в России.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТА

Изучение политической оппозиции не относится к числу направлений, находящихся в фокусе современной политической науки. По остроумному замечанию Э.Колински, отношение ученых к этому феномену в чем-то сходно с невниманием любителей спорта к команде, проигравшей финал кубкового соревнования [Kolinsky 1987b: 1]. Обзорные статьи 1980-х и 1990-х годов фиксируют отсутствие значимого прогресса в осмыслении данной проблематики [Pulzer 1987; Blondel 1997]. Большинство текущих публикаций носят описательный характер [см., напр. Government and Opposition 1997; Helms 2004], а количество теоретических монографий крайне невелико [Dahl 1966a, 1973; Kolinsky 1987a]. При этом даже те немногие теоретические разработки, которые имеются, не всегда способны служить инструментами эмпирическо-

го анализа. Существующие типологии оппозиций либо представляют собой конструкции, созданные применительно к некоему конкретному случаю [см., напр. Kirchheimer 1957], либо столь нагружены “измерениями”, что, по сути, утрачивают объяснительную силу [Dahl 1966b, 1966c] и не могут использоваться в компаративном контексте [сходную критику см. Blondel 1997]. Поэтому для исследования политической оппозиции в “гибридных” политических режимах [Diamond 2002; Levitsky, Way 2002], в частности — российском, требуется создать скорее не новую типологию, а своего рода концептуальную карту, которая позволит не только выявлять различные виды политических оппозиций, но и отслеживать их динамику в посттрансформационный период.

В качестве “сетки координат” этой карты целесообразно взять, вслед за Р.Далем и Г.Смитом [Dahl 1966b: 341-347; Smith 1987: 59-63], два основных проблемных измерения — цели и средства оппозиций. Цели оппозиций можно изобразить в виде континуума. На одном конце данного континуума будут располагаться те политики, клики и партии, которые не представлены в правительстве, но готовы при случае войти в его состав без существенных изменений не только режима, но и — порой — его политического курса. Используя терминологию Х.Линца [Linz 1973: 191], обозначим их как полуопозицию*. Тогда на противоположном конце шкалы окажется “принципиальная” оппозиция [Kirchheimer 1957], т.е. политические силы, которые способны достичь своих целей, лишь обретя всю полноту власти (и, как правило, хотя и не всегда, радикально преобразовав сам режим). Очевидно, что подобный континуум в состоянии вместить в себя все типы оппозиции — как “неструктурной”, ориентированной на изменение отдельных аспектов политического курса [Dahl 1966b: 342], так и “структурной”, выступающей за смену политического режима (например, демократические движения стран Восточной Европы и СССР периода падения коммунистических режимов в 1989 — 1991 гг.).

Гораздо сложнее классифицировать средства политических оппозиций. В данном отношении наиболее адекватным представляется предложенное Линцем членение оппозиции на лояльную, полулояльную и нелояльную. К лояльной оппозиции, согласно Линцу, относятся силы, не выходящие за рамки легальной политической борьбы и отвергающие насилие, к нелояльной — те, которые делают ставку на насильственные или незаконные методы либо угрожают их применением [Linz 1978: 27-38]. Несмотря на амбивалентность этой типологии (которую признает и сам автор [см. Linz 1978: 28]), она, пусть с некоторыми оговорками, может быть использована при построении двумерной концептуальной карты политических оппозиций, действующих в условиях различных режимов (см. *рис. 1*).

Рассмотрим теперь те факторы, которые определяют характеристики политических оппозиций и траектории их трансформации. Ключевую роль здесь играют особенности политических режимов — степень их состязательности и специфика господствующих политических институтов [Гельман 1999]. Указанные категории, однако, нуждаются в операционализации. Состязательность политического режима тесно связана со структурой политической элиты, в данном контексте — акторов, влияющих на принятие политически значимых решений [Burton et al. 1992: 10]. Элементами этой структуры являются *интеграция* (способность к сотрудничеству в процессе принятия решений) и *дифференциация* (организационное и функциональное разделение

* Для определения подобных сил используются и другие термины. Например, Ф.Баргхорн называет их “фракционной” оппозицией [Barghoorn 1973], а тот же Линц характеризует как “квази-оппозицию” [Linz 1973: 191].

различных групп и их относительная автономия по отношению друг к другу и к государству) элит. Соответственно, возможны четыре типа элитной структуры: *идеократическая* (высокая интеграция, низкая дифференциация), *разделенная* (низкая интеграция, низкая дифференциация), *фрагментированная* (низкая интеграция, высокая дифференциация) и *консенсусная* (высокая интеграция, высокая дифференциация) [Higley et al. 2003: 12-14]. Элитная структура первого типа присуща устойчивым недемократическим режимам, а четвертого — стабильным демократиям.

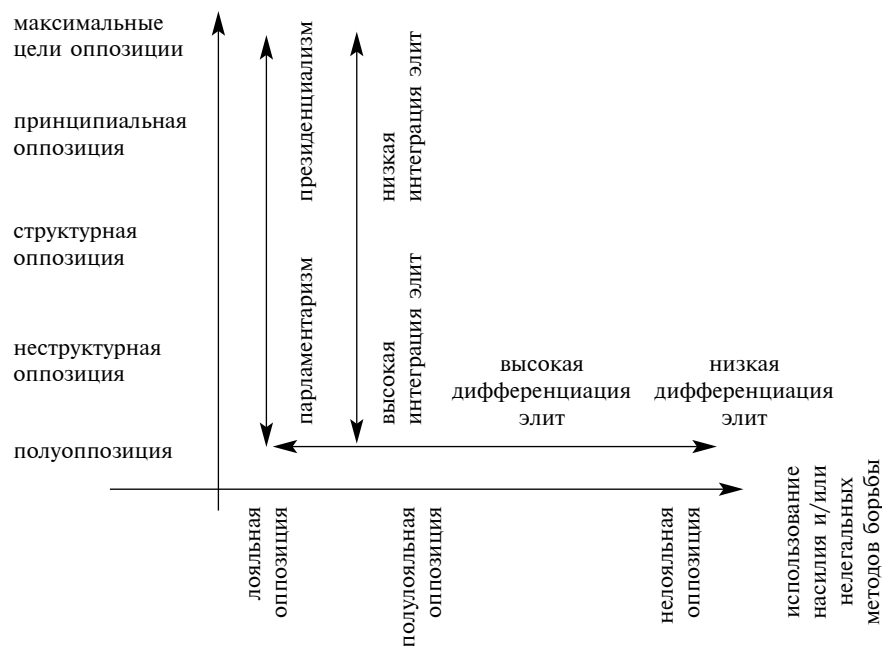

Рис. 1. Концептуальная карта политических оппозиций

Приведенная типология непосредственно коррелирует и с характеристиками оппозиций. Так, низкая интеграция элит стимулирует принципиальную оппозицию, тогда как высокая, напротив, подрывает ее возможности и благоприятствует утверждению кооперативной стратегии “торга” оппозиции с правящими группами [Dahl 1966b: 344-345]. Аналогичным образом, низкая дифференциация элит не оставляет места для лояльной оппозиции, а высокая, как правило, снижает потенциал нелояльности. Исключение составляет модель “поляризованного плюрализма” [Sartori 1976], т.е. фрагментированной элиты. В этом случае в условиях кризиса лояльная оппозиция может уступить место полулояльной, способной подорвать основы демократического режима [Linz 1978]. Соотношение типов элитной структуры и характеристик политических режимов и оппозиций представлено в *табл. 1*.

Среди институциональных факторов наибольшее влияние на характеристики оппозиции оказывает традиционное различие между парламентскими и президентскими системами (и отдельными их подвидами) [подробный анализ см. Shugart, Carey 1992]. Президентские и президентско-парламентские системы, устроенные по принципу “победитель получает все” [Linz 1994], создают почву для развития принципиальной оппозиции. В свою очередь, парламентские режимы поощряют утверждение коалиционных и корпоративистских стратегий “торга” оппозиции с правящими группами [Dahl

1966b: 344-345]*. На снижение потенциала принципиальной оппозиции работают и пропорциональные избирательные системы (в противовес мажоритарным), а также децентрализация и федерализм. Конstellляция этих факторов — динамики элитной структуры и институциональных изменений — задает детерминанты эволюции политической оппозиции.

Таблица 1

Типы элитной структуры, политических режимов и оппозиций

Элитная структура	Интеграция элит	Дифференциация элит	Политический режим	Преобладающий тип оппозиции
Идеократическая	Высокая	Низкая	Стабильный недемократический	Нет оппозиции или нелояльная оппозиция
Разделенная	Низкая	Низкая	Нестабильный недемократический	Принципиальная нелояльная оппозиция
Фрагментированная	Низкая	Высокая	Нестабильный демократический	Принципиальная лояльная или полулояльная оппозиция
Консенсусная	Высокая	Высокая	Стабильный демократический	Лояльная структурная или неструктурная оппозиция

56

Источник: Higley J., Bayulgen O., George J. 2003. Political Elite Integration and Differentiation in Russia. — Steen A., Gel'man V. (eds.) *Elites and Democratic Development in Russia*. L., N.Y., p. 15 (кроме последнего столбца).

Попытаемся теперь на основе представленной выше концептуальной карты проследить эволюцию различных сегментов политической оппозиции в современной России.

ДИНАМИКА ОППОЗИЦИИ В РОССИИ, 1989 — 2004 гг.

В период перестройки под воздействием нарастающей дифференциации элит [Lane, Ross 1999], а также инсталляции частично свободных выборов и парламентаризма в СССР возникли очаги лояльной структурной оппозиции в форме демократического движения [Fish 1995; Urban et al. 1997] и нарождавшихся партий левой и националистической ориентации [Голосов 1999]. Однако после краха Советского Союза в 1991 г. потенциал оппозиции оказался разрушен. Такому повороту событий способствовало несколько обстоятельств. Главное из них заключалось в том, что на смену “идеократической” структуре элит пришла “разделенная” с характерным для нее жестким противоборством двух политических лагерей, олицетворявшихся, соответственно, Президентом и Верховным Советом РФ [Шевцова 1999: 87-165; McFaul 2001: 121-204]. Взаимодействие сторон стало осуществляться по принципу “игры с нулевой суммой”: концентрация власти в руках Президента происходила за счет сокращения роли парламента. Неудивительно, что в таких условиях в России возобладала принципиальная нелояльная оппозиция. Но ее доминирование сохранялось недолго: в октябре 1993 г. она по-

* Некоторые авторы трактуют данное обстоятельство как свидетельство “исчезновения” оппозиции [см. Kirchheimer 1957, 1966].

терпела сокрушительное поражение, и результаты конфликта были закреплены в новой российской Конституции.

В 1994 — 1999 гг. политическая ситуация оказывала противоречивое воздействие на развитие российской оппозиции. “Суперпрезидентская” система с широкими и размытыми полномочиями главы исполнительной власти [Huskey 1999; Fish 2000] и господство неформальных практик принятия решений [Меркель, Круассан 2003], лишь незначительно смягчавшиеся эффектами других политических институтов [Голосов 1999; Moser 2001], стимулировали мажоритарные тенденции в политике и, соответственно, усиление принципиальной оппозиции. Вместе с тем в условиях экономического спада, многочисленных политических кризисов (включая войну в Чечне) и фрагментации государства вследствие “обвальной” децентрализации [Митрохин 2001; Stoner-Weiss 1999] и захвата ключевых позиций заинтересованными группами [Hellman 1998] элитная структура приобретала все более фрагментированный характер [Higley et al. 2003: 20-23]. Данные процессы повлияли на оппозицию двояким образом: при том, что в рассматриваемые годы Россия во многом напоминала Францию периода “ничего, кроме оппозиции”, за бурным расцветом последней скрывались неразрешимые проблемы [см. Гельман 1999: 151-159].

Прежде всего перед российской оппозицией встал “классический вопрос”: “до какой степени быть оппозиционной и какими средствами при этом пользоваться. Если оппозиция не противопоставляет себя существующему режиму — не предлагает альтернатив и не обещает воплотить их в жизнь... политические институты... остаются слабыми. Если же оппозиция действует слишком решительно, то под угрозой может оказаться демократия как таковая” [Пшеворский 1999: 132-133]. Поиск ответа на этот вопрос обусловил не только направление идеологической и организационной эволюции оппозиционных партий, но и их политические стратегии. В принципе, оппозиция может выбирать между тремя стратегиями, описанными А.Хиршманом, — “ухода” (exit), или “малых дел”; “протеста” (voice), т.е. массовой мобилизации (причем не только электоральной), и “лояльности” (loyalty) — “торга” с правящей группой и последующей кооптацией в нее (“врастание во власть”) [Hirschman 1970; см. также Гельман 1999: 160-161]. Однако в российском контексте все эти стратегии (и их комбинации) оказались малоэффективными. Принципиальной оппозиции для достижения своих целей необходимо было победить на президентских выборах — ни доминирование в Государственной Думе (им обладала КПРФ в 1996 — 1999 гг.), ни даже влияние на состав правительства и его политический курс (кабинет Примакова 1998 — 1999 гг.) не приносили желаемых результатов. Что же касается полуоппозиции, претендовавшей на роль младшего партнера правящей группы, то в условиях кризиса она не могла получить сколько-нибудь значимой массовой поддержки. В результате, хотя потенциал нелояльной оппозиции был сведен на нет, воздействие лояльной оппозиции (как принципиальной, так и полуоппозиции) на политический режим осталось весьма незначительным.

Но решающий поворот в судьбе российской политической оппозиции произошел в 2000 г. С избранием на пост президента В.Путина в стране резко изменилась элитная структура. Достижение “навязанного консенсуса” привело к повышению интеграции и — одновременно — снижению дифференциации элит [Gel'man 2003]. Поставив парламент, политические партии, бизнес, СМИ, региональных лидеров перед выбором — либо подчиниться, либо лишиться статуса элит, правящая группа обеспечила себе полное и безусловное доминирование. И если при расколе элит оппозиция еще могла рассчитывать на успех [подробнее см. Tarrow 1994: 88-89], то их консолида-

ция по принципу “навязанного консенсуса”, особенно с учетом неблагоприятного институционального контекста, грозила отправить ее в небытие. В той мере, в какой сегменты российских элит теряли свою автономию и/или ресурсы, сужались и политические возможности оппозиции. В подобных условиях ее традиционные стратегии оказывались не просто неэффективными, но и заведомо проигрышными. “Уход” был чреват маргинализацией и полной утратой влияния, “протест” затруднен вследствие сокращения ресурсной базы и угрозы силового давления со стороны правящей группы, а “лояльность” вела к потере идентичности и кооптации в правящую группу. Иными словами, в сложившейся ситуации оппозиционные политические акторы либо инкорпорировались “во власть”, переставая быть оппозицией, либо вытеснялись на периферию политического процесса, тем самым утрачивая статус акторов. Наглядные проявления описанных тенденций — разгром всех без исключения оппозиционных партий на парламентских выборах 2003 г. и отсутствие значимых альтернатив инкубенту на президентских выборах 2004 г.

Схематически динамика основных факторов развития политических оппозиций в России представлена в *табл. 2*.

Таблица 2

Динамика политической оппозиции в России

Период	Элитная структура	Политические институты	Преобладающий тип оппозиции
1989–1991	Распад идеократической элиты, углубление дифференциации	Возникновение парламентаризма	Лояльная структурная оппозиция
1991–1993	Разделенная элита, низкий уровень интеграции и дифференциации	Конфликт между президентом и парламентом	Нелояльная принципиальная оппозиция
1993–1999/2000	Фрагментированная элита, высокая дифференциация	Суперпрезидентская система	Лояльная принципиальная оппозиция и полуоппозиция
2000-?	Воссоздание идеократической элиты, снижение дифференциации, рост интеграции	Суперпрезидентская система	“Вымирание” принципиальной оппозиции и полуоппозиции

Несмотря на универсальный характер описанных выше закономерностей развития и упадка политической оппозиции в России, их конкретные проявления зависели от генезиса, идеологических и организационных особенностей отдельных оппозиционных сил. В связи с этим при осмыслении судеб российской оппозиции не обойтись без углубленного анализа политической эволюции ведущих оппозиционных партий. Применительно к российским партиям обычно используется четырехсекторная типология — левые, либералы, националисты и “партии власти” [Гельман и др. 2000, 2002; Шейнис 2000], однако для решения поставленных в настоящей работе задач целесообразно провести аналитическое различие между двумя видами либеральных партий. В русле предложенной В.Радаевым классификации идеологий в России [Радаев 1998: 276–306] следует отделить собственно *либералов* — сторонников свободного рынка, видящих в демократии лишь одно из средств (и не самое значимое) его достижения, от *демократов* — приверженцев демократических институтов, рассматривающих рыночную экономику как важное, но не единственное условие их построения. Хотя россий-

ские либералы и демократы близки по своим политическим установкам, их цели и средства далеко не одинаковы. Первую тенденцию в российской политике 1990-х — начала 2000-х годов олицетворяли, последовательно сменяя друг друга, “Выбор России”, “Демократический выбор России” и СПС, вторую — “Яблоко”. Наряду с КПРФ, они долгое время претендовали на статус политической оппозиции, а сейчас сходят с политической сцены, по крайней мере, в своем нынешнем виде. Рассмотрим подробнее динамику развития этих трех сегментов российской оппозиции — коммунистов, либералов и демократов.

КОММУНИСТЫ: МЕЖДУ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И ПОЛУОППОЗИЦИЕЙ

Организационное и идеологическое развитие КПРФ весьма подробно описано в литературе [см. Ермаков и др. 1993; Голосов 1999; Urban, Solovei 1997; Sakwa 1998; Flikke 1999; March 2002]. Поэтому я ограничусь здесь обсуждением ее траектории на концептуальной карте оппозиции. Эта траектория может быть представлена как зигзагообразная — от нелояльной оппозиции (в период запрета КПСС в 1991 — 1992 гг.) через двусмысленную полуюлояльность в силовом конфликте сентября-октября 1993 г., к последующей лояльной оппозиции на выборах и в парламенте (при сохранении элементов полуюлояльности, по крайней мере — на уровне риторики). Идеологически партия претендовала на монополию в левонационалистическом секторе политического рынка, не отличаясь при этом последовательностью в выборе программных установок и включая в себя различные течения, конкурировавшие между собой.

Воздействие институциональных факторов на политическую стратегию КПРФ носило разнонаправленный характер. Нуждаясь в максимальной мобилизации активистов и сторонников не только для обретения полноты власти, но и для сохранения доминирующего положения на политическом рынке, да и собственного организационного единства, партия предпринимала максимум усилий, чтобы презентовать себя как “настоящую” оппозицию. Именно на это были направлены такие акции, как денонсация Беловежских соглашений в 1996 г. и попытка импичмента Президента России в 1999 г., не говоря уже об активном участии в избирательных кампаниях различного уровня, включая президентские [Urban, Solovei 1997: 147-178; March 2002: 168-204]. Но коммунисты были неспособны добиться победы на президентских выборах — как из-за жесткого (вплоть до угрозы государственного переворота) противодействия со стороны правящей группы, так и вследствие отпугивавшего значительную часть избирателей радикализма самой КПРФ [см., напр. McFaul 2001: 289-304]. В результате их шансы на достижение успеха с помощью стратегии “протеста” становились все более призрачными. Неудивительно, что в августе 1996 г. лидеры КПРФ взяли курс на “врастание во власть”. Делегируя своих представителей в правительство и региональные администрации и вступая в “торг” с правящей группой по ряду вопросов текущей политики [Шевцова 1999; Согрин 2001], КПРФ пыталась найти баланс между полюсами принципиальной оппозиции и полуоппозиции [March 2002: 232-240].

Но то, что внешне выглядело попыткой синтеза стратегий “протеста” и “ухода”, на деле было, скорее, отказом от выбора стратегии во имя сохранения статус-кво как внутри, так и вне КПРФ. Используя терминологию последователей Хиршмана, можно сказать, что коммунисты “по умолчанию” шли по пути “ничегонеделания” (neglect) [Dowding et al. 2000: 480-481], систематически уклоняясь от принятия решений, менявших сложившееся положение вещей. Так было и с несостоявшейся попыткой вынесе-

ния Думой вотума недоверия кабинету В.Черномырдина (осень 1997 г.), и с утверждением под давлением Кремля С.Кириенко на посту премьер-министра (апрель 1998 г.), и с провалом голосования по началу процедуры импичмента Президента (май 1999 г.). На удержание завоеванных ранее позиций [Черняховский 2000], т.е. сохранение статус-кво, была нацелена и парламентская кампания КПРФ в 1999 г.

Тактически эти шаги (вернее, отсутствие таковых) приносили КПРФ определенные дивиденды, однако стратегически они вели к поражению. После выборов 1999 г., когда коммунисты, набрав 24,3% голосов (против 22,2% в 1995 г.), лишились статуса ведущей партии в парламенте, “ничего неделание” оказалось уже невозможным. На первых порах КПРФ пыталась претендовать на роль младшего партнера правящей группы, заключив с фракцией “Единство” соглашение о разделе думских постов и сохранив за собой пост председателя Думы. Следствием подобной тактики стало ослабление потенциала оппозиции. Хотя по отдельным вопросам (например, утверждение обновленного советского гимна в качестве российского национального символа) позиция КПРФ имела значение, в целом в Думе сложилось некоммунистическое конституционное большинство, а “партия власти” и ее союзники располагали более чем половиной мандатов [Шейнис 2000: 47; Remington 2003: 46-47]. Поскольку все значимые решения в Думе могли быть приняты без участия коммунистов, последние утратили функции “группы вето” [Шейнис 2000: 49], и их роль в парламенте свелась к сугубо “косметической” [March 2002: 240-244]. Когда же КПРФ попробовала вернуться к стратегии “протеста”, выступив против ряда правительственных законопроектов, последовало наказание: весной 2002 г. “Единая Россия” инициировала передел постов в Думе, добившись смещения коммунистов с постов председателей парламентских комитетов. Некоторые из коммунистических лидеров, включая председателя Думы Г.Селезнева, демонстрировавшие полную лояльность правящей группе, были исключены из партии [Remington 2003: 50-52]. При этом, как свидетельствуют итоги региональных выборов, после 2000 г. заметно снизился и мобилизационный потенциал КПРФ [Туровский 2002; Golosov 2004].

Разгром коммунистов в ходе электорального цикла 2003 — 2004 гг. был логическим завершением описанных выше процессов. Во время думских выборов КПРФ стала главной “мишенью” Кремля. Против нее были применены самые разнообразные средства — от выдвижения альтернативных избирательных списков, призванных расколоть электорат партии (наиболее успешным из них оказалась “Родина”, набравшая 9% голосов), до негативной кампании в СМИ и давления на сочувствовавших компартии губернаторов и представителей бизнеса. Сама же КПРФ следовала прежней стратегии “ничего неделания”, сохранив почти неизменными свои идеологические установки и организационную структуру. Итоги голосования — 12,6% голосов и 52 думских мандата — окончательно лишили ее статуса ведущей оппозиционной партии. Последующие события — выдвижение на президентских выборах 2004 г. кандидатуры Н.Харитоновой, конфликт вокруг исключения из партии бывшего вице-спикера Думы Г.Семигина и смещение с партийных постов его сторонников — не только не привели к смене лидерства в КПРФ, но на деле лишь укрепили статус-кво внутри партии [Попов 2004]. И хотя на местах ячейки КПРФ зачастую остаются единственным “субститутотом” гражданского общества [Kurilla 2002], партия, по сути, лишена перспектив “протеста”. Более того, курс правящей группы на вытеснение КПРФ с электоральной арены подталкивает коммунистов к стратегии “ухода”, что обрекает ее на существование в качестве малой, если не маргинальной партии.

Почему стратегия коммунистов в 1996 — 1999 гг. оказалась столь провальной? Возможно, дело в ошибках самой КПРФ — в частности, в расчете на то, что в условиях перманентных политических и экономических кризисов она может прийти к власти чуть ли не автоматически, а затем — в попытке стать младшим партнером новой правящей группы (вспомним, как в ходе кампании 1999 г. обсуждался вопрос о потенциальных договоренностях между КПРФ и лидерами блока “Отечество — Вся Россия”). Но, скорее, причина в тех ограничениях, которые накладывали на партию политические институты, с одной стороны, и элитная структура — с другой. При заведомой невозможности победы КПРФ на президентских выборах институты стимулировали ее эволюцию в направлении “полуоппозиции” [McFaul 2001: 360-362], тогда как “идеократическая” консолидация элит после 2000 г., напротив, подталкивала компартию в сторону принципиальной оппозиции (лишенной каких-либо шансов на успех). Смогут ли коммунисты справиться с этими проблемами, покажет будущее.

ЛИБЕРАЛЫ: ПОЛУОППОЗИЦИЯ

Среди российских либералов — сторонников свободного рынка и минимального государства ключевые позиции, как идейные, так и организационные, занимала группа экономистов (“клан Чубайса”) [Wedel 1998: 121-158], еще в 1990 г. предложивших правительству Горбачева широкую программу авторитарных рыночных реформ [Жестким курсом 1990]. Однако, когда осенью 1991 г. либералы получили узловые посты в правительстве Ельцина, тщетность надежд на реализацию этой программы была уже очевидной (в связи с коллапсом КПСС и Советского Союза, а также резким ослаблением административного потенциала государства). Поэтому реформы Гайдара имели совершенно иную направленность. Анализ их результатов не входит в задачи данной работы; стоит лишь отметить, что сама логика преобразований потребовала от либералов сменить статус экспертов на статус политиков. Созданный ими в преддверии думской кампании 1993 г. блок “Выбор России”, совмещавший либеральную идеологию с претензией на роль “партии власти”, унаследовал часть организационных ресурсов демократического движения. Вскоре после довольно неудачного выступления на выборах [см. McFaul 1998] и утраты ряда правительственных постов блок был преобразован в партию “Демократический выбор России” (ДВР).

ДВР представлял собой типичную полуоппозицию, сочетая умеренную критику отдельных аспектов правительственного курса (например, войну в Чечне) с безоговорочной поддержкой Кремля по наиболее важным вопросам и сохранением за своими представителями (в частности, А.Чубайсом) значимых властных постов. В неблагоприятном социально-экономическом контексте середины 1990-х годов подобная стратегия не сулила сколько-нибудь серьезных дивидендов, зато издержки оказались весьма существенными. Не имея возможности влиять на состав правящей группы и лишь отчасти определяя ее политический курс, либералы были вынуждены нести ответственность за все неудачи правительства. Неудивительно, что их массовая поддержка оставалась ограниченной. Окончательно мобилизационный потенциал либералов был подорван в годы первой Чеченской войны. Их влияние в “коридорах власти” ослабло, и из партии и ее думской фракции началось стремительное дезертирство политиков. Претензии ДВР на доминирование в либеральном лагере и попытка “недружественного поглощения” “Яблока” навлекли на партию резкую критику [см., напр. Явлинский 1995]. В итоге на думских выборах 1995 г. партия потерпела сокрушительное поражение и, казалось, выбыла из “высшей лиги” российской политики.

И все же это поражение не привело либералов к полному краху. Активное участие в пестрой проельцинской коалиции на президентских выборах

1996 г., а также контроль над рядом правительственных постов в 1997 — 1998 гг. позволили им восстановить свой статус реформистского крыла правящей группы. В условиях фрагментации российской элиты и борьбы клик в окружении Ельцина этот статус зависел от патронажно-клиентельных связей и доступа к финансовым ресурсам, в т.ч. поступающим из-за рубежа [подробнее см., напр. Wedel 1998; Freeland 2000]. После финансового кризиса 1998 г., вина за который была возложена на либералов, их шансы на политическое выживание вновь стали выглядеть призрачными. В этой ситуации либералы сумели проявить организационную сплоченность и сформировать новую коалицию [Щербак 2002], выступившую на выборах 1999 г. как “Союз правых сил”. Контекст этих выборов оказался для них более благоприятным. Либералы практически полностью солидаризовались с курсом В.Путина, включая военную кампанию в Чечне, и благодаря активной поддержке со стороны Кремля и федеральных телеканалов завоевали 8,5% голосов и 32 думских мандата, одержав принципиальную победу над конкурентами из “Яблока” [Зудин 2000: 180-185]. Вскоре после выборов СПС был преобразован в партию, обретя, хотя и не без проблем, единую организационную структуру.

В Думе третьего созыва СПС выступал в роли полуоппозиции. Однако его положение было куда менее выигрышным, чем у ДВР в 1994 — 1995 гг.: новая правящая группа лишь тактически нуждалась в союзе с либералами, и влияние последних оказалось весьма ограниченным [Зудин 2000: 192-195; Shevtsova 2003: 50-52]. Хотя СПС после некоторых колебаний поддержал Путина на президентских выборах 2000 г., лишь немногие его представители были вознаграждены правительственными постами, да и те (подобно бывшему премьеру С.Кириенко, который стал полпредом Президента в Приволжском округе) вскоре дистанцировались от бывших соратников по партии. Идейные союзники правых в правительстве (например, министр финансов А.Кудрин) все больше склонялись в пользу “Единой России”. Хотя точка зрения либералов по наиболее важным вопросам далеко не всегда совпадала с мнением правящей группы [Remington 2003: 50-51], критике с их стороны подвергались лишь отдельные аспекты правительственного курса (в частности, военная реформа). При этом СПС с одобрением принял многие антидемократические шаги Кремля, в т.ч. силовую смену руководства НТВ и запрет на проведение референдумов в предвыборный период. Но лояльность Кремлю и благоприятный социально-экономический контекст принесли СПС не столь уж большие дивиденды — львиная их доля досталась “партии власти”.

В 2001 — 2002 гг. СПС (как ранее ВР-ДВР) предпринял несколько попыток “задушить в объятиях” демократов из “Яблока” [Щербак 2002]. Та же стратегия превалировала и на парламентских выборах 2003 г., когда либералы вели борьбу не столько за голоса избирателей, сколько за устранение “яблочных” конкурентов (впрочем, последние отвечали им тем же, что подрывало позиции обоих участников конфликта). Негативно отразилась на СПС и атака Кремля на крупный бизнес, предпринятая в ходе кампании. Сочетание всех этих факторов привело к тому, что электоральные показатели СПС оказались почти такими же, как у ДВР в 1995 г.

Неутешительные для партии результаты выборов незамедлительно повлекли за собой и ее организационный коллапс. Часть партийных активистов заявила о своей оппозиции курсу Кремля, тогда как возглавляемое А.Чубайсом крыло осталось лояльным правящей группе. Будучи не в состоянии выработать единое отношение к президентским выборам 2004 г., СПС предоставил своим сторонникам свободу рук при голосовании. Подавшая в отставку сопредседатель СПС И.Хакамада неудачно баллотировалась как независимый

кандидат, после чего объявила о создании собственной партии “Свободная Россия”. Трудно сказать, сохранится ли СПС в нынешнем виде либо будет преобразован в организационном и/или идейном отношении, но можно утверждать, что его стратегия полуоппозиции потерпела неудачу.

Парадоксальным образом либералы оказались жертвами успеха тех самых реформ, за которые ратовали в начале 1990-х годов. Возрождение в стране интегрированной элиты и доминирующей партии действительно создало предпосылки для успешного проведения рыночных преобразований. Проблема состояла в том, что в условиях недемократического режима Кремлю (как и в советский период) требовались не политически автономные, хотя бы частично, младшие партнеры, а лишь технические исполнители. В противовес фрагментированной элите 1990-х годов, консолидирующаяся идеократическая элита 2000-х в полуоппозиции уже не нуждалась. Вероятно, именно это имел в виду заместитель главы президентской администрации В.Сурков, когда в ночь после выборов 7 декабря 2003 г. заявил об исчерпанности исторической миссии либералов и демократов. Так или иначе, можно ожидать, что отсутствие монолитности в правящей группе в перспективе будет вызывать к жизни новые версии полуоппозиции, которые, скорее всего, будут иметь тот же успех.

ДЕМОКРАТЫ: ОТ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ – К ПОЛУОППОЗИЦИИ

В отличие от либералов, демократическая оппозиция в лице “Яблока” с самого начала заявляла о своем принципиальном характере, выступая с критикой не только правительственного курса, но и политического режима в целом [подробное описание см. Гельман 1999: 162-196; Hale 2004; White 2004]. Хотя возникновение “Яблока” было вызвано специфическими обстоятельствами кризиса октября 1993 г., ему удалось закрепиться в российской парламентской и электоральной политике. Благодаря высокой партийной фрагментации Думы первого созыва демократы зачастую могли влиять на принятие законов и использовать парламентскую трибуну для артикуляции альтернатив. Это позволило блоку, созданному разочаровавшимися в курсе реформ политиками и партиями, унаследовать часть ресурсов демократического движения и преобразоваться в полноценную партию, заметную как на федеральном, так и на региональном уровне [Golosov 2004]. Тем не менее, активы “Яблока” было недостаточно для самостоятельного электорального успеха. Дефицит электорального потенциала в полной мере проявил себя на думских выборах 1995 г. и, особенно, на президентских 1996 г., когда партия, по выражению В.Шейниса, предстала малым “суденышком между двумя большими кораблями” (т.е. “партией власти” и коммунистами) [Независимая газета 20.01.1996]. Демократическая оппозиция оказалась загнанной в электоральное “гетто” [Овчинников 2000: 178; Кудрявцев, Овчинников 2000: 463].

При парламентской системе такая партия относительно умеренной ориентации могла бы стать привлекательным партнером по правительственной коалиции. В условиях же российской “суперпрезидентской” системы коалиционные возможности “Яблока” были ограничены. Вследствие громадной дистанции идеологий по право-левой шкале союз с коммунистами мог носить лишь характер тактических соглашений по отдельным вопросам на основе негативного консенсуса [Щербак 2002]. В свою очередь, союз с правящей группой и/или с полуоппозицией, настойчиво предлагавшийся партии в различные моменты, был чреват поглощением ее более богатыми ресурсами партнерами. В такой ситуации демократы могли сохранить себя в качестве принципиальной оппозиции, лишь сделав ставку на стратегию “ухода”. “Яблоко” систематически заявляло об отказе “выбирать из двух зол”, высту-

пая против поддержки кандидатуры Ельцина во втором туре президентских выборов 1996 г., против принятия бюджетов страны в 1994 — 1998 гг., против утверждения на постах премьер-министров В.Черномырдина (август 1996 г.) и С.Кириенко (апрель 1998 г.), и т.д. Эти шаги не могли повлиять на принятие властных решений: они, как и иные правозащитные и общедемократические инициативы партии, были призваны привлечь к ее позиции общественное внимание. При этом “Яблоко” решительно противилось вхождению своих представителей в состав правительства, и “яблочники”, назначенные на министерские посты, покидали ряды партии (как М.Задорнов и О.Дмитриева). На фоне череды кризисов и фрагментации элит подобная стратегия приносила некоторые краткосрочные дивиденды, но влекла за собой и крупные издержки. Имидж “полуответственной” [Sartori 1976] оппозиции, неспособной претендовать на участие в правительстве, препятствовал привлечению в ряды “Яблока” активистов среднего звена* и расширению его электоральной базы. Проще говоря, в глазах своих сторонников, да и самих партийцев “Яблоко” не выглядело партией, которая может хоть в какой-то мере реализовать собственную программу.

Понимая тупиковость такой позиции, лидеры “Яблока” попытались переломить ситуацию, хотя их действия не всегда были последовательными [Hale 2004]. Накануне думских выборов 1999 г. состав партийного руководства был обновлен, а в партийный список включены статусные политики с управленческим опытом (бывший премьер-министр С.Степашин, министр по делам национальностей В.Михайлов и ряд деятелей регионального уровня). По имеющейся информации, в преддверии избирательной кампании “Яблоко” пыталось достичь компромисса с блоком “Отечество — Вся Россия”, предлагая себя в качестве младшего партнера потенциальному победителю. Но контекст выборов оказался совершенно иным. Взрывы жилых домов осенью 1999 г. и начало второй Чеченской войны усилили внутренние разногласия в руководстве “Яблока”, а заявление Г.Явлинского о необходимости переговоров с лидерами Чечни вызвало всеобщую критику, в первую очередь — со стороны конкурентов-либералов. Неудачный исход думских выборов 1999 г. (17 мест в нижней палате против 45 в 1995 г.) и последующей президентской кампании Явлинского продемонстрировал иллюзорность электоральных перспектив партии [Овчинников 2000; Кудрявцев, Овчинников 2000; Hale 2004]. В 2000 — 2001 гг. “Яблоко” вступило в полосу кризиса: его ряды покинули несколько известных думских деятелей и региональных активистов, партия потеряла поддержку ведущих спонсоров и после силовой смены руководства НТВ весной 2001 г. оказалась почти отрезана от общенациональных каналов СМИ.

В сложившихся обстоятельствах “Яблоко” попыталось сменить стратегию, сделав ставку на “лояльность” правящей группе. В Думе третьего созыва оно ограничивалось критикой отдельных аспектов правительственного курса, по большей части поддерживая инициативы Кремля и заметно смягчив позиции по отношению к Президенту и политическому режиму в целом [Shevtsova 2003: 52-53]. Даже действия властей во время захвата террористами театрального центра на Дубровке в октябре 2002 г. не вызвали значимой реакции “яблочников” (напротив, в этом случае полуоппозиционный СПС осудил Кремль). Казалось бы, эти шаги должны были смягчить последствия кризиса в партии, тем более что благодаря спонсорству со стороны компании “Юкос” ее финансовое положение заметно укрепилось. Но, покинув нишу принципиальной оппозиции (пребывание в которой грозило маргинализацией), демократы не имели шансов закрепиться и в качестве полуоппозиции.

* Об этих проблемах российских партий см. Голосов 1999.

Во-первых, эта ниша была уже занята; во-вторых, правящая группа нуждалась в них еще меньше, чем в либералах; наконец, в-третьих, к тому времени “Яблоко” уже не могло ни влиять на принятие решений, ни привлекать к себе общественное внимание. Поэтому предвыборная стратегия партии, по сути, свелась к бесплодным консультациям с Кремлем, а разразившийся в разгар кампании кризис вокруг “дела “Юкоса”” и ареста М.Ходорковского нанес “Яблоку” последний удар. Провал партии на думских выборах 2003 г. оказался закономерным следствием “смены вех”, хотя сами “яблочники” не без оснований указывали и на несправедливый характер выборов, и на злоупотребления властей [Михалева 2004].

Дальнейший ход событий — отказ от участия в президентских выборах 2004 г., назначение ряда “яблочников” на правительственные посты (И.Артемов стал главой федеральной антимонопольной службы, В.Лукин — парламентским уполномоченным по правам человека), неудачи на выборах региональных легислатур [Кынев 2004] — говорит о том, что возможности “Яблока” в его нынешнем виде, скорее всего, исчерпаны. Возвращение демократов на путь принципиальной оппозиции, вероятно, поможет сохранить партию, но вряд ли ее потенциал окажется достаточным для самостоятельного выживания в качестве значимого актора российской политики. Если неблагоприятные институциональные условия изначально накладывали ограничения на становление в России демократической оппозиции [Гельман 1999: 198], то “навязанный консенсус” элит после 2000 г. попросту не оставляет для нее места.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЕСТЬ ЛИ ШАНСЫ ДЛЯ ОППОЗИЦИИ?

Крушение российской оппозиции в ходе электорального цикла 2003 — 2004 гг. вызвало не только критическую рефлексию в политическом сообществе, самым известным проявлением которой стала публикация статьи М.Ходорковского [Ходорковский 2004]. Его следствием стали и некоторые организационные усилия по формированию новой оппозиции из “остатков” либералов и демократов (например, создание “Комитета-2008”), а также попытки кооперации между коммунистами и демократами при проведении отдельных акций протеста. Дальнейшее нарастание антидемократических тенденций в российской политике может даже стимулировать объединение всех этих сегментов оппозиции по принципу негативного консенсуса, подобно тому, как в начале 1990-х годов российское политическое общество объединялось против господства КПСС. Тем не менее, исходя из представленного выше анализа, приходится констатировать, что перспективы оппозиции зависят не столько от ее собственных действий, сколько от набора внешних условий, которые задают структуру политических возможностей [Lipsky 1968; Kitschelt 1988; Tarrow 1994]. На сегодняшний день структура таких возможностей очевидно неблагоприятна для всех типов оппозиции, но означает ли это, что надежды на становление в России новой оппозиции полностью беспочвенны?

Некоторые либерально настроенные наблюдатели увязывают возрождение российской оппозиции с дестабилизацией режима в ходе решения им модернизационных задач и проведения непопулярных реформ [см. Воржейкина 2003; Shevtsova 2003]. Не отрицая вероятности такого поворота событий, можно прогнозировать, что в этом случае наибольшие шансы на успех получают не наследники либералов, демократов или даже коммунистов, а, скорее, полулояльная и/или неялояльная принципиальная оппозиция, роль которой сегодня в российской политике невелика. Нынешних карикатурных лимоновцев и антиглобалистов могут сменить партии и политики, опирающиеся не на символическое, а на вполне реальное насилие. Попыт-

ки Кремля создать “управляемую” полуоппозицию либо на основе блока “Родина”, либо путем разделения “Единой России” на лево- и правоцентристское крыло, видимо, призваны канализировать и, тем самым, ослабить подобную угрозу.

Напротив, шансы на успех лояльной оппозиции связаны с изменением структуры политических возможностей, аналогичным имевшему место на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Впрочем, вероятность благоприятных для оппозиции институциональных изменений в стране невелика — перспективы трансформации суперпрезидентской системы в парламентскую выглядят сомнительными, а в этих условиях эффект других реформ (в частности, обсуждаемого перехода от смешанной избирательной системы к пропорциональной) будет незначительным. Зато нельзя исключить перспективу нового раскола элит и обретения оппозицией влиятельных союзников в элите (как это произошло с демократическим движением во времена перестройки). Если при этом удастся избежать возвращения к практике разрешения конфликтов по принципу “игры с нулевой суммой”, то структура политических возможностей для оппозиции станет гораздо более обнадеживающей.

Такая перспектива выглядит тем более реальной, если иметь в виду, что снижение дифференциации и повышение интеграции российских элит в начале 2000-х годов были обусловлены отнюдь не общностью их целей и установок [Steen 2003]. “Навязанный консенсус” стал результатом селективного применения Кремлем санкций по отношению к одним сегментам элит и столь же селективной кооптации им других сегментов [Gel'man 2003; Shevtsova 2003]. Но равновесие элитной структуры по принципу “картеля страха” [Dahrendorf 1967: 256] может быть устойчивым лишь при наличии ресурсов, обеспечивающих обмен лояльности на сохранение статус-кво. В настоящее время приток этих ресурсов в страну связан с высокими ценами на нефть. Вместе с тем необходимо учитывать, что мобилизацию ресурсов, необходимых для консолидации элит, можно обеспечить и с помощью политических институтов. Именно в этом русле следует рассматривать и попытки создания организационного механизма преемственности элит в России через формирование монопольной “партии власти” [Лихтенштейн 2002; Smyth 2002]. Как показывает опыт, такого рода консолидация элит способна преодолеть угрозу дестабилизации режима, а значит — на долгие годы поставить крест на политической оппозиции [Knight 1992]. Судя по всему, подобный сценарий является сегодня самым привлекательным для правящей группы. Однако далеко не все, что хорошо для Кремля, столь же хорошо для будущего России.

Вайнштейн Г. 1998. Между полной несвободой и полным хаосом (о природе политической системы современной России). — *Pro et Contra*, т. 3, № 3.

Ворожейкина Т. 2003. Стабильна ли нынешняя Россия? — Заславская Т. (ред.) *Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации*. М.

ВЦИОМ-А 2004. Предварительный анализ итогов выборов 7 декабря. — *Пресс-выпуск*, № 1.

Гельман В. 1999. *Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция*. М.

Гельман В. 2001. “Столкновение с айсбергом”: формирование концептов в изучении российской политики. — *Полис*, № 6.

Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) 2000. *Первый электоральный цикл в России, 1993 — 1996*. М.

Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) 2002. *Второй электоральный цикл в России, 1999 — 2000*. М.

Голосов Г. 1999. *Партийные системы России и стран Восточной Европы*. М.

Ермаков Я., Шавшукова Т., Якуничкин В. 1993. Коммунистическое движение в период запрета: от КПСС к КПрФ. — *Кентавр*, № 3.

Жестким курсом... Аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук. 1990. — *Век XX и мир*, № 6.

- Зудин А. 2000. Союз правых сил. — Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.). *Россия в избирательном цикле 1999 — 2000 годов*. М.
- Кудрявцев И., Овчинников Б. (2000). Кампания Г.Явлинского. — Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) *Россия в избирательном цикле 1999 — 2000 годов*. М.
- Кынев А. 2004. Переход к смешанным выборам в регионах: “принудительная трансформация”. — *Полис*, № 2.
- Лихтенштейн А. 2002. “Партии власти”: электоральные стратегии российских элит. — Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) *Второй электоральный цикл в России, 1999 — 2000*. М.
- Меркель В., Круассан А. 2003. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. — Штыков П., Шваниц С. (ред.) *Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей*. Т.1. СПб., М.
- Митрохин С. 2001. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России. — Люхтерхандт-Михалева Г., Рыженков С. (ред.) *Центр — регионы — местное самоуправление*. М., СПб.
- Михалева Г. 2004. “Яблоко” на думских выборах 2003 года. — *Власть*, № 2. *Независимая газета*. 1996.
- Нужна ли в России оппозиция власти? 2004. — *Левада-центр*, 3.06 (www.levada.ru/press/2004060302.html).
- Овчинников Б. 2000. “Яблоко”. — Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) *Россия в избирательном цикле 1999 — 2000 годов*. М.
- Попов А. 2004. Смена власти в КПРФ откладывается. — *RBC daily*, 3.06 (www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml?2004/06/03/55596)
- Пшеворский А. 1999. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.
- Радаев В. 1998. *Экономическая социология*. М.
- Согрин В. 2001. *Политическая история современной России. 1985 — 2001: от Горбачева до Путина*. М.
- Туровский Р. 2002. *Политика в регионах: губернаторы и группы влияния*. М.
- Ходорковский М. 2004. Кризис либерализма в России. — *Ведомости*, 29.03.
- Черняховский С. 2000. Коммунистическое движение. — Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) *Россия в избирательном цикле 1999 — 2000 годов*. М.
- Шевцова Л. 1999. *Режим Бориса Ельцина*. М.
- Шейнис В. 2000. Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов). — *МЭиМО*, № 9.
- Щербак А. 2002. Коалиционная политика российских партий. — Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) *Второй электоральный цикл в России, 1999 — 2000*. М.
- Явлинский Г. 1995. В расколе демократов трагедии нет. — *Известия*, 13.07.
- Barany Z., R.Moser (eds.) 2001: *Russian Politics: Challenges of Democratization*. Cambridge.
- Barghoorn F. 1973. Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics. — Dahl R. (ed.) *Regimes and Oppositions*. New Haven, L.
- Blondel J. 1997. Political Opposition in the Contemporary World, — *Government and Opposition*, vol. 32, № 4.
- Burton M., Gunther R., Higley J. 1992. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes. — Higley J., Gunther R. (eds.) *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge.
- Colton T., McFaul M. 2003. Are Russians Undemocratic? — Hespring D. (ed.) *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. Lanham, MD.
- Dahl R. (ed.) 1966a. *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, L.
- Dahl R. 1966b. Patterns of Opposition. — Dahl R. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, L.
- Dahl R. 1966c. Some Explanations. — Dahl R. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, L.
- Dahl R. (ed.) 1973. *Regimes and Oppositions*. New Haven, L.
- Dahrendorf R. 1967. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, NY.
- Diamond L. 2002. Thinking about Hybrid Regimes. — *Journal of Democracy*, vol. 13, № 2.
- Dowding K., John P., Megropius T., Vugt M. van. 2000. Exit, Voice, and Loyalty: Analytic and Empirical Developments. — *European Journal of Political Research*, vol. 37, № 4.
- Fish M.S. 1995. *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in a New Russian Revolution*. Princeton, NJ.
- Fish M.S. 2000. The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics. — Sperling V. (ed.) *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance*. Boulder, CO.
- Flikke G. 1999. Patriotic Left-Centrism: the Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation. — *Europe-Asia Studies*, vol. 51, № 2.
- Freeland C. 2000. *Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution*. Boston.

- Gel'man V. 2003. Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? — Steen A., Gel'man V. (eds.) *Elites and Democratic Development in Russia*. L., N.Y.
- Golosov G. 2004. *Political Parties in the Regions of Russia: Democracy Unclaimed*. Boulder, CO. *Government and Opposition*. 1997. Vol.32, № 4.
- Grosser A. 1966. France: Nothing but Opposition. — Dahl R. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, L.
- Hale H. 2004. Yabloko and the Challenge of Building a Liberal Party in Russia: History, Institutions, and Contingency in Party-System Formation. — *Europe-Asia Studies* (forthcoming).
- Hellman J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. — *World Politics*, vol. 50, № 2.
- Helms L. 2004. Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies. — *Government and Opposition*, vol. 39, № 1.
- Higley J., Bayulgen O., George J. 2003. Political Elite Integration and Differentiation in Russia. — Steen A., Gel'man V. (eds.) *Elites and Democratic Development in Russia*. L., N.Y.
- Hirschman A. 1970. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA.
- Huskey E. 1999. *Presidential Power in Russia*. Armonk, NY.
- Jones Luong P. 2002. *Institutional Changes and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge.
- Kirchheimer O. 1957. The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes. — *Social Research*, vol. 24, № 2.
- Kirchheimer O. 1966. Germany: The Vanishing of Opposition. — Dahl R. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, L.
- Kitschelt H. 1988. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. — *British Journal of Political Science*, vol. 16, № 1.
- Knight A. 1992. Mexico's "Elite Settlement": Conjuncture and Consequences. — Higley J., Gunther R. (eds.) *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge.
- Kolinsky E. (ed.) 1987a. *Opposition in Western Europe*. L., Sydney.
- Kolinsky E. 1987b. Introduction. — E.Kolinsky (ed.) *Opposition in Western Europe*. L., Sydney.
- Kurilla I. 2002. Civil Activism without NGO's: The Communist Party as a Civil Society Substitute. — *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 10, № 3.
- Lane D., Ross C. 1999. *The Transition from Communism to Capitalism: Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin*. N.Y.
- Levitsky S., Way L. 2002. The Rise of Competitive Authoritarianism. — *Journal of Democracy*, vol. 13, № 2.
- Linz J. 1973. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain. — Dahl R. (ed.) *Regimes and Oppositions*. New Haven, L.
- Linz J. 1978. *The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration*. Baltimore, L.
- Linz J. 1994. Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference. — Linz J., Valenzuela A. (eds.) *The Failure of Presidential Democracy*. Baltimore, L.
- Lipsky M. 1968. Protest as a Political Resource. — *American Political Science Review*, vol. 62, № 4.
- March L. 2002. *The Communist Party in Post-Soviet Russia*. Manchester.
- McFaul M. 1998. Russia's Choice: The Perils of Revolutionary Democracy. — Colton T., Hough J. (eds.) *Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993*. Washington, DC.
- McFaul M. 2001. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca, NY.
- Moser R. 2001. *Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia*. Pittsburgh, PA.
- Pulzer P. 1987. Is There Life After Dahl? — Kolinsky E. (ed.) *Opposition in Western Europe*. L., Sydney.
- Remington T. 2003. Putin, the Duma, and Political Parties. — Hespring D. (ed.) *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. Lanham, MD.
- Rokkan S. 1977. Toward a General Concept of Verzuiling: A Preliminary Note. — *Political Studies*, vol. 25, № 4.
- Sakwa R. 1998. Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia. — Lowenhardt J. (ed.) *Party Politics in Post-Communist Russia*. L.
- Sartori G. 1969. From Sociology of Politics to Political Sociology. — Lipset S. (ed.) *Politics and the Social Sciences*. N.Y.
- Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol.1*. Cambridge.
- Sartori G. 1990. Sociology of Parties: A Critical Review. — Mair P. (ed.) *The West European Party System*. Oxford.
- Shevtsova L. 2003. *Putin's Russia*. Washington, DC.
- Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge.

- Smith G. 1987. Party and Protest: The Two Faces of Opposition in Western Europe. — Kolinsky E. (ed.) *Opposition in Western Europe*. L., Sydney.
- Smyth R. 2002. Building State Capacity from Inside Out: Parties of Power and the Success of the President's Reform Agenda in Russia. — *Politics and Society*, vol. 30, № 4.
- Steen A. 2003. *Political Elites and the New Russia*. L., N.Y.
- Stoner-Weiss K. 1999. Central Weakness and Provincial Autonomy: Observations on the Devolution Process in Russia. — *Post-Soviet Affairs*, vol. 15, № 1.
- Tarrow S. 1994. *Power in Movement: Social Movement, Collective Action, and Politics*. Cambridge.
- Urban J., Solovei V. 1997. *Russia's Communists at the Crossroads*. Boulder, CO.
- Urban M. et al. 1997. *The Rebirth of Politics in Russia*. Cambridge.
- Wedel, J. 1998. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989 — 1998*. N.Y.
- White D. 2004. *The Parallel Paths of Post-Communist Russian Liberalism*. University of Birmingham Research Papers in Russian and East European Studies, ResPREES 04/1 (<http://www.crees.bham.ac.uk/research/ResPREES/WhiteD.pdf>).

© Владимир Гельман, 2004

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(грант №04-03-00035a)